Быть Олегом Тактаровым. Моя история. Автобиография без цензуры

Автор:
Олег Тактаров

Быть Олегом Тактаровым. Моя история. Автобиография без цензуры

Олег Тактаров

Стать первым

Чемпион – это не просто звание и история одной победы, это – Путь, образ жизни, мышления, действия. Первый чемпион UFC из России Олег Тактаров тренировался по 8 часов в день, оттачивая любимые приемы и создавая уникальные подготовки; выиграл множество турниров по дзюдо, самбо, джиу-джитсу; построил и наладил бизнес в сложное время. Но деньги, власть, местная слава стали неинтересны, он сел в самолет и улетел в Голливуд, чтобы воплотить свою мечту о кино. 14 июля 1995 года в США состоялся шестой чемпионат UFC, который был назван «Битва титанов». Олег Тактаров провел три боя за один вечер. Дрался без защиты, без перчаток, без ограничения времени, без весовых категорий, без употребления стероидов и добавок. Он победил достойно, не причинив лишней боли соперникам. Это и есть его главное кредо в бою. Автор рассказывает о Голливуде, об учебе в престижной актерской академии «Playhouse West», о съемках вместе с Робертом Де Ниро, Аль Пачино, Николасом Кейджем и другими мировыми звездами, про приключения в намибийской пустыне, где ему пришлось выживать вместе со съемочной группой 9 дней, и многом другом. Все самое интересное от рождения до сегодняшнего дня – в этой книге, написанной Олегом Тактаровым.

Олег Тактаров

Быть Олегом Тактаровым

Издательство благодарит литературного агента Романа Волкова за помощь в получении прав на издание.

© Текст. Олег Тактаров, 2020

© Фото. Иосипенко Кирилл, 2020

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2020

Вступление

$

Двенадцать лет прошло после издания моей книги «Победа не любой ценой, или Up. To the top». Сначала я думал переиздать книгу, добавив новые главы. Но понял, что многие моменты из прошлого в тексте надо изменить, потому что со временем по-другому осмысливаешь события и воспринимаешь людей. Взгляд становится более осознанным и точным. Да и за 12 лет случилось много событий, которые лишний раз доказали, что не надо сильно печалиться из-за неудачи и слишком радоваться счастливой судьбе. Иногда жизнь заводит в такие тупики, что кажется, просвета нет, но, когда оттуда выходишь, начинаются первые серьезные победы.

Большие победы случались всегда,

Об этом стоит послушать,

Потом, когда вылезал из дерьма,

Куда был втянут по уши.

Что нас не убивает,

Нам не сказать точнее,

Любой цитату знает —

Нас делает сильнее.

У меня было много боев, но самых важных – несколько. Проигранная драка в юности. Местный парень начал наезжать на моего двоюродного брата, а когда нападают на близких, то ни о чем не думаешь – заступаешься. Мы долго дрались, минут сорок, а потом в какой-то момент я решил поднять ногу выше пояса и упал на асфальт. Нас разняли, но сам для себя эту драку я считаю проигранной.

Поражение – тоже часть большого пути. «Возьми себе победу, а я разберусь с этим моментом», – примерно так я подумал и начал активно тренироваться. Эта история получила свое продолжение.

Помню, как пробирался по кладбищу к могиле отца и внезапно остановился. Сделал несколько шагов назад и увидел фото на памятнике того самого человека, которому я проиграл драку. Он был убит в тот день, когда я выиграл турнир UFC и стал первым русским чемпионом мира. Все случайности в мире взаимосвязаны.

Ultimate Fighter – совершенный боец

$

Четырнадцатого июля 1995 года в США состоялся шестой чемпионат UFC, который был назван «Битва титанов». Три боя за один вечер.

Я знал, что мои друзья будут смотреть на меня. Я знал, что мой сын будет смотреть на меня. Я не мог проиграть. Я хотел драться с самыми лучшими бойцами. Я был уверен в том, что меня нельзя сломить, и мои соперники это чувствовали. Бой с Дейвом Бенето, финалистом пятого чемпионата, закончился моей победой, как и бой с Бешеным Псом, Энтони Масисом, который продлился чуть больше десяти секунд. Легендарный финальный бой с Дэвидом Эбботом продолжался 17 минут.

Первые десять минут Эббот доминировал, а потом увидел, что я не сдаюсь, и начал отступать. Я почувствовал этот момент и провел удушающий прием.

До этого дня у меня были бои и победы на разных турнирах, в том числе над противниками более высокого уровня, но эти победы не вызывали у общественности такого резонанса, как моя победа на UFC.

Быть человечным среди человечности – легко, попробуй остаться человечным среди жестокости. Я всегда пытался просто выиграть, не причиняя лишней боли сопернику. Лишь однажды, во время боя с Дэном Северном, решил сломать ему колено, которое рассекло мне лоб в прошлом поединке. За эту бредовую идею мироздание меня наказало поражением. Но и в этом случае я извлек хороший урок. Настоящий боец никогда не должен испытывать чувство ненависти или агрессии к сопернику. Побеждают талант и разум.

Важно знать, где молниеносно ударить, когда микросекунда решает все, а где успокоиться и прикинуться песчинкой. Однажды в Сарове были разборки, сложная ситуация – крики, люди, угрозы. Я был окружен со всех сторон и просто решил по-буддистски прикинуться песчинкой. Все подумали, что парень сошел с ума, и оставили меня в покое. Важно понимать, где проявить силу воли и довести дело до конца, а где отпустить ситуацию и доверить ее разрешение миру. Важно давать себе паузы и продолжать движение.

Жизнь раскрывается в движении – сразу появляются новые идеи, мысли, связи, контакты. Я никогда не сижу на одном месте, потому что наступает деградация. Приехал в родной Саров на пару дней, вскопал огород или убрал снег, наколол дров, попарился в бане, потомил баранину в казане – и снова в путь. Я всегда уезжаю в ночь – такси, вокзал, поезд. Главное, сделать первый шаг за порог теплого дома.

Мне интересно делать что-то со своей реальностью. У маленьких людей всегда есть иллюзия больших действий, когда кажется, что в один день вся жизнь чудом изменится. Это все равно что сесть и за одну ночь выучить древнекитайский язык. Так не бывает. Из слов складываются предложения, из действий – поступки. Формула успеха проста: таланта – треть, упорства – треть, везения – треть. И конечно, очень важно чувствовать себя, людей и мир. Это хорошо проявляется в горах, когда в темноте поднимаешься и первое время испытываешь страх, потому что не знаешь, куда ступить, чтобы удержаться, а потом включаются чувства и открывается путь на вершину. Или не открывается,

потому что чувства не включаются, и тогда летишь вниз. Но истина в том, что с закрытыми глазами порой видишь больше, чем с открытыми.

А еще я уверен, что каждому человеку дано сверху то, что может сделать только он. И смысл в том, чтобы никому не подражать – развить свои сильные стороны, скрыть слабые, а от остального уметь защищаться. Служить истине и спокойно выполнять свой долг. Быть особенным и неповторимым, чтобы никто не смог подобрать ключ.

Реальных героев бессмертием венчает любимое дело и цель. О своем деле и своей цели – вернуться в Голливуд и завершить актерский гештальт – я расскажу в следующих главах.

P. S. Самое главное, помимо таланта, упорства и везения, – это желание жить.

Олег Тактаров

Шереметьево-2

$

Попробуй добраться до своей мечты! Ты встретишь опасность и страх. Ты поймешь, что должен родиться заново, а иначе не попадешь в свою Монтану, никогда не попадешь. Уверен, родись я двести лет назад, это был бы парусник, с берега завораживающий красотой и мощью, но холодный и неустойчивый на волнах – с морской болезнью, тошнотой и вечной качкой. Ты ступаешь на борт и уже не принадлежишь себе, ведь ты переступил черту и оказался в руках капризной судьбы. Романтика исчезает, зато остаются ребяческий страх и восторг первооткрывателя. Ты задаешься вопросом, что будет дальше. Такие чувства рождались у меня всякий раз при виде самолета: путь начертан, остается лишь сделать шаг. И ты чувствуешь животный страх, потому что каждый полет – прощание с жизнью, а первый шаг – самый сложный.

Я улетал в Америку из Шереметьево-2 26 ноября 1994 года. Была сильная вьюга, но самолет уверенно набирал высоту. Несколько часов – и мы уже почти над

Северным полюсом. Маршрут Москва – Сиэтл – Сан-Франциско – Лос-Анджелес. Прежде во все концы нашей необъятной я ездил только на машине. Не любил самолеты. Однажды, сев в самолет, улетавший в Ставрополь, я напился и весь полет «читал» перевернутую газету, чтобы не показать своей паники окружающим, уйти от своего страха. Но в этот раз все было четко: я знал, куда еду, зачем и для чего. И этот полет мне необходим, потому что оставаться на земле было еще страшнее. Я не убегал, я взлетал.

В Америке у меня не было ни одного знакомого, ни одного адреса, хранимого где-нибудь за подкладкой или заученного на память. Мне нужно было родиться заново, начать свою жизнь с первого шага, а для этого более чем достаточными представлялись оплаченные на две недели гостиница с машиной и 2200 долларов в кармане. Цель, которую я поставил себе на две американские недели: быстро познакомиться со всеми голливудскими знаменитостями – шварценеггерами, вандамами, сигалами, завоевать всех известных режиссеров, согласиться сниматься в нескольких понравившихся мне фильмах – и стать новой звездой.

Шифоньеры денег и томление духа

$

Мне было двадцать шесть лет. Я выиграл все возможные турниры по дзюдо, самбо, джиу-джитсу и даже первый на территории бывшего Союза турнир по боям без правил. Бизнес, которым я руководил, приносил до ста тысяч долларов в месяц чистой прибыли и мог приносить больше, но по соображениям безопасности я запретил моим партнерам и управляющим наращивать объемы. Уже отгремела первая «канонада» лихих девяностых, и как-то сами по себе исчезли враги. Конец 1993-го и весь 1994 год были отмечены относительным миром – все было поделено, а будущие «бандиты», милиция и ФСБ только готовили следующее наступление. Это было время наслаждения достигнутым, но что-то коробило и не давало спать по ночам. Приходили мысли о ранней старости и полной бесполезности существования. Это чувство вырвалось неожиданными словами Тони Монтаны в фильме «Человек со шрамом»:

– Для чего все это? Для чего я работаю? Нам будет пятьдесят, и у нас будет гигантская печень и жирная грудь, для которой нужен лифчик…

Маноло, друг и партнер Монтаны, а на самом деле мой друг и партнер по бизнесу Андрей Сапунков (Сапуняша), отвечал:

– По-моему, не так уж и плохо!

Плохо! Ужасно плохо. Я понял: нужно менять все и меняться самому. Нужно начинать жить сначала. Осенью 2007 года я цитировал по памяти этот монолог Аль-Пачино, и он был в восторге:

– Знаешь, а эти слова действительно много значат и очень точны, – сказал кумир моей молодости.

Умные и дальновидные стали организовывать свой бизнес, понимая, что прежняя бандитская модель отживает. Таким был один из крупных нижегородских бандитов Вадим, у которого была своя команда автозаводских, человек семьдесят. Он тогда занялся бизнесом, как и я, был человеком передовым, отсидел в свое время десятку за убийство. Если кто-то называл его бизнесменом, по понятиям того времени это было оскорблением, все семьдесят человек вставали под ружье и ехали защищать честь своего предводителя. Точно так же вся команда выезжала на стрелку, если кто-то неуважительно отзывался о его жене, которая напоминала мне Шерон Стоун из фильма «Казино». Меня такое благородство и принципиальность очень привлекали. Он был в моих глазах выдающимся бизнесменом, а теперь, уже в наши дни, он почувствовал усталость, на многое смотрит другими глазами. Они с женой усыновили нескольких детей. Недавно он по-дружески сказал мне:

– Олег, раньше, в начале девяностых, мы оба были внизу холма. Я был чуть повыше, ты – чуть пониже. Прошло десять лет, а я остался все там же. Ничего принципиально нового не сделал и сделать не смогу, а у тебя горят глаза, ты состоялся. Ты идешь к своей вершине, пусть у тебя нет прежних денег, но ты живешь своим делом.

Вадик прав. Тогда, в 1994-м, я был у подножия и жил предвкушением отъезда. Я готовился уехать и не скрывал: уезжаю в Америку сниматься в кино. Надо мной смеялись и не воспринимали мои слова всерьез.

– Что тебе еще нужно?! У тебя же все есть!

Примерно так говорили все вокруг.

Но я знал, что мне нужно, и действовал по четкому плану. Я убедил своих партнеров по бизнесу сократить объемы торговли и не привлекать лишнего внимания. Весь мой бизнес сходился именно на мне и моих деловых связях. Где-то в стороне от моих больших дел были рынки, автостоянки и даже винный заводик. Вся эта запущенная однажды человеческая машина требовала постоянного контроля и внимания. Я уволил 95 % работавших на меня людей, свел к минимуму все проблемные и спорные вопросы лишь для того, чтобы партнеры смогли продолжать дело без меня. И хотя после моего отъезда продолжить никто ничего не смог, в то время мой маленький мир действовал как часы, принося огромные, несоизмеримые с общей бедностью в стране доходы.

Мне приносили баулы с деньгами, которые я ленился пересчитывать и просто складывал в шифоньер. На эти деньги покупалась, а после моего отъезда благополучно распродавалась недвижимость. Близкие к моему бизнесу люди жили припеваючи, не знали бед и хлопот. А я совершенно потерял интерес к зарабатыванию денег, мне не на что было их тратить, и я раздавал заработанное направо и налево. От меня веяло усталостью и алкоголем, но не силой и спокойствием уверенного самца, к которому хочет прижаться женщина. Мне все еще слышалась стрельба октября 1993 года у Белого дома, где я случайно оказался, приехав в Москву по делам… А в голове нескончаемой чередой сменяли одна другую путаные мысли. Люди часто замечали, что я слушаю и не слышу; так напряженно я продумывал новый план действий.

Как преуспевающий бизнесмен, владелец земли, недвижимости, трех фирм и предприятий я приехал в американское посольство на Новинском. Остановился в гостинице «Измайлово», всю ночь пьянствовал с какими-то дальнобойщиками, а утром получил визу: спортивный болельщик, решивший слетать на чемпионат мира по футболу в Лос-Анджелес. Это было просто невероятно. Сработал человеческий фактор: сменился посол, и в первый день на новой должности были поставлены визы всем просителям, в числе которых оказался я. Моему ликованию не было предела. Я договорился, чтобы в случае длительного отсутствия жене, Милене Филипповне, мои люди ежемесячно приносили 5000 долларов. У меня не оставалось врагов. Я выиграл, первым сделав рискованный шаг. И стал собираться.

$

КИНО, КИНО, КИНО! Сейчас люди уже редко стекаются на площади слушать сомнительного проповедника, редко ждут выхода книги или хором поют песни. Только кинематограф способен завладеть массовым сознанием, стать путеводной звездой. Я понял, что хочу быть причастным к тому, что вечно и – главное – интересно мне. С двадцати двух лет я написал великое множество сценариев. Конечно, они были очень слабые и к тому же были написаны под меня в главной роли, но в творчестве я находил отдушину окружающей меня суете. Все остальное, кроме счастья моих детей, интересовало и интересует меня не больше завтрашнего меню в любимом ресторане.

Я уезжал из Нижнего Новгорода. Был прощальный вечер в ресторане «Охотник» Русского клуба, поддерживаемого Немцовым. Пел мой друг Астахов «За кордон, уезжает мой друг за кордон» и «Не пишите мне писем, дорогая графиня». Слезы текли у всех. Но удивительно – тоска и горечь разлуки после отъезда лишь уменьшались и однажды картинно исчезли. А Астахова очень скоро посадили.

В Москву меня провожал Андрей Сапунков. Перед полетом я намеренно сутки не спал, мы выпили коньяка, и Андрей опасался, что я засну на пути в накопитель или в проходе самолета. Подвывала метель, щемило сердце. Было страшно. Но ситуация – пан или пропал – заводила.

В самолете до одури накурено, все в сизоватой дымке, призраки-соплеменники все пьяные. В детстве мы часто выезжали в деревню в Мордовию. Езды на машине было часа четыре, и все это время отец за рулем курил. Зима, закрытые окна, меня тошнит, и я умоляю его не курить – а он курит. Я ненавижу сигареты, и даже в армии, где обычно все начинают курить за компанию, было наоборот. Мое подразделение ПВО, сорок человек, было некурящим. Курил двадцатишестилетний хохол Толчук, и то в каптерке – я тогда поставил крест на его перевоспитании. Ненавистный табачный смрад в самолете выедал глаза, спазматически схватывало виски, от перевозбуждения я все больше трезвел. Я достал блокнот. Обрывки мыслей и стихов больше походили на запись спиритического сеанса. Те записи пропали, а спустя годы я подытожил свое вечное бродяжничество так:

Объездил города Союза,

Америки, Европы города —

Оседлость для меня обуза,

Надеюсь, не осяду никогда…

Уже не помню, каким образом, но рядом со мной в самолете оказалась Сюзанна, первый подосланный мне маленький демон, говорящий с сексуальным акцентом. Она, как и всякая проститутка международного уровня, увидела, кто я такой, но сразу поняла – у меня другие интересы и ее в моих планах нет. Я был не новым русским, а маньяком-первооткрывателем, Колумбом! И сбить меня с пути было невозможно. Спустя несколько месяцев Сюзанне удалось сесть на шею моему американскому товарищу волейболисту Сереже Ткачеву, который отчасти из-за нее не смог снова попасть в большой спорт.

Наш рейс выполнял две промежуточные посадки в Сиэтле и Сан-Франциско. Небо накренялось, ползло вниз, уходило в сторону, падало под ноги, и мне казалось: не будет конца моему полету…

Welcome!

$

С трапа сошел уже совершенно другой человек. Бессонница, алкоголь, крайнее перевозбуждение сформировали мое первое восприятие Америки. Я вдруг попал к подножию Вавилонской башни после смешения языков – небо стонет от людского разноязыкого крика, потому что даже небо ничего не понимает.

Почти одновременно с нашим в международном аэропорту Лос-Анджелеса приземлились несколько самолетов из так называемых стран третьего мира. На каком-то своем непонятном наречии я объяснил служащим терминала, что приехал из Москвы, что у меня заказаны гостиница и автомобиль, и вместе с моими новыми черными и желтыми друзьями направился к пункту аренды автомашин. Американцы, не будь дураками, вынудили меня заплатить за машину еще раз, а дальше началось настоящее спортивное ориентирование, разве что деревьев со мхом на северной стороне я не искал и передвигался по немыслимой траектории, огородами, безошибочно определяя направление движения.

Районы, которые я проезжал, – негры, автомобили, реклама, грязь. Я впервые еду на машине с автоматической коробкой передач. Крутой Pontiak, еще не поступивший в продажу, должен был продемонстрировать всей Америке: вот едет новая звезда Голливуда. Неторопливо заворачиваю с грязной ночной улицы, и… сказка начинается. На бульваре Сансет в Беверли-Хиллз огромные пальмы, разряженные гирляндами, цветы, почти настоящие олени, деды-морозы из разноцветной мишуры, вид которых пьянит уже тем, что стоят они не в московской слякоти, а под дуновениями океанского бриза. Сейчас я пишу эти строки и испытываю сомнения: а было ли так на самом деле или этот въезд по дороге в цветах и гирляндах я увидел однажды во сне?

Русские в тоске

$

Гостиницу я выбрал из Москвы по названию, а оно было просто великолепно: «Метрополь-Голливуд». За убогий номер в «латинском» квартале (так я прозвал это место, оккупированное латиноамериканцами) с меня брали бешеные деньги, да притом постоянно стремились получить что-то сверх оплаченного московского чека.

Есть у меня товарищ Игорь Жижикин, хороший актер и замечательный человек. Он снялся у Спилберга, а когда-то приехал в Америку с цирковой труппой и остался. Когда цирк уехал, он посмотрел из окна гостиницы на Лас-Вегас и заплакал. Мне, как и ему, было непонятно, насколько я здесь задержусь. В отличие от эмигрантов 1970-х, я мог вернуться и, может быть, поэтому не плакал.

Американцы тщательно и с расстановкой готовили гирлянды и цветы ко Дню благодарения, который, каюсь, я проспал, как и большую часть следующего, третьего дня моего пребывания в стране мечты и фарса. Сказка начиналась по всем законам жанра: после трех суток бодрствования я проспал больше полутора суток… За окном на асфальте шелестели вчерашние украшения, по обочинам ветер разносил мусор. Не слишком оригинальная сцена для начала фильма, подумал я, но, как и многое в первые месяцы моей новой жизни, снял на

видео. Что вокруг? Банальное и известное, немного приукрашенное, но такое же мещанское и плоское человеческое существование. Чем ближе я был к своей мечте, тем недоступнее она казалась.

Я был уверен, что через две недели буду говорить по-английски и стану звездой либо вернусь в Россию к семье, налажу нефтяной бизнес, о котором уже много думал. Нефтянка была еще и вариантом отступления. А вдруг весь этот Голливуд – бред? Тогда я вернусь, но не к прежней жизни, а в большой бизнес, для которого у меня были и связи, и умение. Чем выше бизнес, тем меньше понтов и показухи.

Не Европа и не Америка пленяли меня несбыточными мечтами. Голливуд – сказочная страна, где создавались те фильмы, которые я смотрел на родине. Голливуд – фильмы которого смотрели по всему миру. Голливуд – который формировал общественное мнение и культуру. Голливуд – олицетворение силы искусства, которая чувствуется на каждом шагу, которую не забыть и не переступить. Настоящая сила и бессмертие заключаются не в войнах и изобретениях, а в творчестве, в стремлении сделать мир добрее, и, как это ни парадоксально, это творчество может проявляться в любом деле, даже таком жестоком, как бои. Человек может и должен выбирать.

Однажды перед боем, через год после моего приезда в Америку, ко мне подошли несколько человек, представлявших одну из американских церквей, и торжественно, даже с помпой вручили амулет и яркую грамоту. Один из них с достоинством произнес:

– По итогам года ты признан самым добрым человеком. Просто быть добрым среди добрых, но не каждому по силам сохранить человечность и сострадание на ринге.

Что ж, мне было приятно.

– Скажите, где здесь русский район? А киностудия?

Эти вопросы я смоделировал по разговорнику и, выучив, вышел из гостиничного номера «Метрополь-Голливуд». Старый азербайджанец в соседнем магазине, с трудом вспоминая русские слова, ответил почти на все мои вопросы и – главное – рассказал о русском районе. Да, на русском мне пока общаться значительно

проще, чем на туземном. Киностудий оказалось больше, чем я мог себе представить, а искать русских оказалось делом занятным.

Улица Санта-Моника, на которой, как мне сказали, живут русские, оказалась бесконечной чередой домов, но никого, кроме прогуливающихся голубых парочек, я на ней не встретил. Неужели все русские в Америке стали геями? По Санта-Монике я доехал до океана. Честно говоря, увидеть океан мне было даже приятнее, чем соплеменников. Дул ветер. Благопристойные американцы и досточтимые американки кутались в шарфы и шали, пугливо озираясь на крики чаек.

Олег Николаич, вы доехали до окияна и не выкупаете в нем свои сапоги? Да что сапоги! Искупаюсь!

Я вспомнил восторженные слова моего друга Бессмертного:

– Представляешь, я купался в океане!

Там, где нескончаемая Санта-Моника уходила в море, произошло мое американское крещение, на третий день жизни, как и положено.

«Книги»

$

Эта вывеска на обратном пути по Санта-Монике ослепила меня. Я бросил машину и ворвался в магазин. Смотрю: старый одессит что-то перебирает, записывает в амбарную книгу, щелкает по калькулятору то перебитой костяшкой пальца, то длинным ногтем на мизинце. Подбегаю к нему, обнимаю, целую. Дядя в ужасе шарахается, а я кричу:

– Ты первый русский, которого я здесь вижу! Я тут уже три дня! Я приехал сниматься в Голливуде!

Ну что поделаешь, я был младенцем, а такие шалости в юном возрасте позволительны.

«Спустился с дерева», – должно быть, решил мой книгопродавец, и был прав.

Подобные заявления о Голливуде воспринимаются в Лос-Анджелесе с еще большей иронией, чем в России. В России думают: туда сначала доехать надо. А в Америке знают, что ежегодно в Голливуд приезжает полмира и уезжает тоже полмира, в лучшем случае без одного человека. Попадая в Америку, наши соотечественники первым делом напиваются, а просохнув, понимают: надо быть либо врачом, либо адвокатом. Все остальные мечты и планы нужно выкинуть из головы, и чем скорее, тем лучше. И вновь приехавшему вокруг твердят одно:

– Сева, ты будешь зарабатывать нормальные деньги!

Как правило, самый желанный подарок в таком случае – субботнее посещение ресторана, где за немыслимые деньги сжирается буквально все, где под песни и пляски Наташи Лапиной русское community наслаждается жизнью. Русскоязычные дамы на таких посиделках показывают друг другу шикарные наряды, взятые напрокат в бутиках «Нейман-Маркус» на Родео-драйв или сшитые тетей Флорой, но «точно такие же».

Но книгопродавец всего этого не говорил и, кроме положенной мне порции презрения, посоветовал попытаться попасть на русское TV. Оказалось, что в Лос-Анджелесе есть русская киностудия и русское телевидение!

Ленчик и Фрейц

$

Правильнее было бы сказать: кабельный русский канал, который записывал передачи со своими кумирами, жил своим обособленным миром и совершенно не был похож на мою мечту о кино.

Первый человек, который встретил меня на студии, был Ленчик Чернявский. Сейчас он зарабатывает большие деньги, продает элитные дома и в ус не дует, а тогда вертелся вошью на гребешке. Ленчик сразу и без спросу стал моим другом. Русской студией, на которую я пришел, владел Майкл Кира. Приехал он из России в начале 1970-х, в те годы, когда на наших собратьев еще смотрели как на хороший зоопарк, с улыбкой и любопытством. Майкл был в молодости неплохим борцом, и, как это случается почти всегда, начал в Америке с элементарного и нужного – долгое время работал массажистом. Майкл умер, пусть будет земля ему пухом. Сейчас я все чаще замечаю, что при всей безоблачности американской жизни русские эмигранты мрут с завидным постоянством и частотой в молодом возрасте. Видимо, сказываются постоянная нервозность и неудовлетворенность человека, попавшего во взрослом и неподготовленном состоянии в экстремальные с точки зрения психологии условия.

Майкла в те дни я воспринял как одного из богов великого пантеона кинематографа и с гордостью показал ему видеозаписи своих боев.

– Вау, классно, давай сделаем передачу о тебе! – парировал Майкл.

Я самодовольно потирал руки. Передача вышла, и неделю я был героем всех русских булочников и выпивох. Тогда только я понял: от русского телевидения в Лос-Анджелесе проку никакого, только вред. Ты живешь с уверенностью, что делаешь что-то нужное и полезное, а на самом деле все твои действия яйца выеденного не стоят – от выступления на русском канале ничего не зависит в мире большого кино.

Впрочем, я немного слукавил. Через русскую студию я познакомился с замечательными ребятами, один из них – Володя Фрейтц. Так уж повелось, что борцы помогают друг другу, а борцовское братство существовало и будет существовать, пока есть борцы. Володя в российский период жизни был борцом на уровне молодежной сборной Союза и обладал редким для нашего брата свойством – чрезвычайной болтливостью. Остановить словесные извержения добряка Володи было невозможно, и, когда терпение мое заканчивалось, я резко прерывал его и уходил. Самые противоречивые чувства и мысли о себе, об Америке и России сплетались в его рассуждениях. Было интересно, но мучительно. Володя, как и многие профессиональные борцы, зарабатывал массажем и делал свое дело поистине великолепно. Весь цвет голливудского кинематографа побывал в его золотых ручках. Если мне необходим был массаж,

я обращался к Володе и знал, что он поможет – борец всегда очень хорошо чувствует тело.

В юности у меня часто защемляло нерв между пятым и шестым позвонком, между лопатками. Однажды в Нижнем Новгороде на соревнованиях меня скрутило, и не было времени отлежаться и выправиться. Я выходил на схватку как робот, выигрывал, уходил в раздевалку, снова выходил и снова выигрывал. Тренеры, судьи и зрители решили, что у меня какая-то новая странная техника, никто и представить не мог, что я еле передвигаюсь. Таких казусов в спортивном мире немало, есть они и в любом шоу. Странная «терминаторская» походка Шварценеггера, например, объясняется огромными платформами на обуви Арнольда: он среднего роста – 179 сантиметров. Моя боль была следствием многочисленных приседаний со штангой и, конечно, настигала меня в самые неподходящие моменты.

Однажды мы с Володей ловили рыбу с пирса в Малибу. Огромный Фрейтц любил рыбачить именно там, рыбка была маленькая, сколько я помню, вся меньше его огромной пухлой ладони. Фрейтц ловил золотых рыбок и отпускал обратно. Увидев мою медвежью неуклюжесть, Володя добродушно засмеялся:

– Ты чего так ходишь, поворачиваешься всем корпусом?

Я рассказал.

– А ну-ка иди сюда…

Он обхватил меня, легонько нажал, приподнял, каждая моя косточка хрустнула, и боль ушла. До сих пор в случае необходимости пользуюсь услугами костоправов, да и сам научился хорошо вправлять позвонки.

Две недели, которые должны были потрясти мир

Итак, на покорение континента я определил две недели. Я упорно ошивался у телецентра в Лос-Анджелесе. Володя Фрейтц, мой вечный сопровождающий и

переводчик, знакомил меня с людьми кино, а я был страшно рад и доволен своим «успехам». У Володи было свободное время, и мы проводили вместе целые дни. Через него я познакомился с режиссером Стивеном Стаблером. Я был по-американски улыбчивым молодым человеком из России, и Стаблер отнесся к моим наполеоновским планам дружески:

– Если б у тебя были документы – получил бы у меня небольшую роль. Лицо у тебя колоритное, пластика замечательная, ты хочешь работать. Но без документов не могу, извини.

Первый раз передо мной возникла проблема документов, с русским паспортом здесь делать было нечего. Народиться я народился, но человеком считаться еще не мог, нужна была бумажка. Сейчас с восторгом вспоминаю ту безответственность, с которой я жил в США без документов. Стивен Стаблер посоветовал обратиться к агенту по подбору актеров, который, по его словам, мог наставить меня на путь истинный.

Мы с Володей решили подойти к посещению агента со всей ответственностью. Я оделся, как мне казалось, модно, держал себя с чрезмерным достоинством. Володя выступал в роли моего пресс-атташе и переводчика. Думаю, половину слов агента он благоразумно не перевел. Наконец, окончательно взбешенный агент забегал по своему кабинету, со смаком выплюнул сигарету и, стараясь говорить как можно понятнее, подвел итог нашей бизнес-встречи:

– Ты первый человек, на которого я трачу столько время в своем офисе! У тебя нет разрешения на работу, нет green card, ты не говоришь по-английски! Сынок, когда ты научишься говорить по-английски и получишь green card, я допускаю, что мы поговорим с тобой еще раз!

Как зеницу ока я хранил визитку моего несостоявшегося агента. Когда через год я свободно говорил по-английски, у меня в кармане лежала green card, я стал звездой боев UFC, я ему позвонил. Для меня это был торжественный момент, я звонил сообщить, что выполнил условие; его реакция, как и подобает людям его профессии, была сдержанной, но какое это имело для меня значение!

Узнав о неудаче с агентом, Майкл Кира устроил мне встречу с «адвокатом Эдди Мерфи», как его называли. Адвокат был очень забавный дядька и должен был помочь в получении заветной green card. Черный, как смоль, он неплохо

изъяснялся по-русски, что для «наших американцев» было самым важным пунктом делового общения. Адвокат со смехом рассказал, что русскому языку его специально учили в разведшколе.

– Я люблю политкорректность, – заключил он.

Вновь приехавших русских в Америке любят и обхаживают в надежде поживиться шальными деньгами из-за океана. Множество неформалов, с радостью вырвавшихся из Страны Советов, встречали меня у ларьков и наперебой «показывали Америку». Признаться, мои скромные 2200 $ ларечники подточили очень скоро. Каждый русскоговорящий был тогда мой друг, а у друга горели трубы! Великий черный «адвокат Эдди Мерфи» оказался одним из ларечников.

– Олег, ты мне нравишься, – сказал он, – ты выглядишь классно, у тебя потрясающее видео. Все будет хорошо, пять тысяч – и мы начинаем работать! Ты будешь играть с Эдди Мерфи!

С первой минуты на американском континенте меня бесконечно забавляла американская интонация разговора, я ей подражал и стебался. Все в Америке что-то обещают вечером, а наутро даже не вспоминают о своих словах. С адвокатом я расплатился его монетой.

– Вау, классно! Такой человек, как вы, начинает работать за такую незначительную сумму! Завтра я приношу вам в офис пять тысяч – и начинаем работать!

Две недели, которые я самоуверенно определил на покорение североамериканского континента, заканчивались, и я вынужден был признать: а воз и ныне там. Наш знаменитый композитор и шоумен Юрий Чернавский, гордый своими успехами, приехал покорять музыкальный Голливуд, но был более реалистичен и свою формулу успеха для русского в Америке выразил так:

– Олег, нужны пять лет непрерывного труда и самопиара с поддержкой сильного менеджера.

Той славы и известности в Голливуде, о которых мечтал Юра, он так и не достиг, а для меня его формула оказалась справедливой.

Old american bitch

В первую очередь, на меня обращали внимание пожилые американки, которые уже престали играть в идиотскую американскую игру Hard to get. По правилам этой игры ты не должен показать, что женщина интересует тебя не только как продавщица магазина, партнер по бизнесу, соседка в театре или знакомая знакомой, но еще и как ЖЕНЩИНА. Женщины придерживаются этой формулы так же неукоснительно. Правила просты и, по-моему, почти невыполнимы. Американки до сорока пяти лет делают карьеру, а потом у них начинает рвать башню, и они идут танцевать канкан. Как живут женщины до сорока, изображая ледяную глыбу, не знаю, но смею с достоверностью доложить, что мужчины пуританского общества Америки, пригласив барышню в ресторан, дрочат в туалете, чтоб (упаси боже!) не выказать к ней своего интереса. Я никогда не играл в такую игру, и в этом смысле американцем становиться не собираюсь. Мое обычное расположение к людям без разделения по гендерному признаку приносило мне не только радости, но и конфузы.

Как-то в первые недели своей американской жизни я ехал по прекрасным дорогам Лос-Анджелеса и решил подвезти голосующую бабушку. Настроение счастливое и беззаботное, в руках учебник английского (с ним я не расставался первые месяцы); и сам я простой и добрый, как Юрка Гагарин.

– Hello! Do you need a ride?

– Yes.

– We have a beautiful day today!

Что прочел, то и сказал. Бабуля смотрит на меня как-то странно и спрашивает:

– You want a hand or head?

Мой английский дал сбой, говорю, мол, не понимаю тебя, добрая американская бабушка. Моя попутчица, которая уже успела развалиться на кресле, не растерялась и показала жестами. В такие моменты я, конечно, начинал говорить по-русски. Прости, говорю, бабуля, в твои семьдесят пять нужно больше ходить пешком… С тех пор я перестал подсаживать кого бы то ни было.

Но приключения с американками только начинались. В последние дни своего двухнедельного победоносного шествия по Америке я решил еще раз самостоятельно поездить по киностудиям. Результат не замедлил сказаться.

Два огромных здания Columbia Pictures были для меня храмом, центром легендарной мировой кинокомпании. А раз так – я должен быть в этом центре. В который раз я поднялся на какой-то этаж и пошел бродить. Смотрю: как в сказке, открытая дверь. Захожу. В комнате сидят десятка два людей, все что-то печатают, разговаривают по телефону – обычная жизнь обычного офиса. На меня никто внимания не обращает, мало ли кого тут черти носят. Я мог бы забыть свои вопросы и свое поведение, но помню, потому что знал всего несколько фраз: «I want to be a star» и «I need to meet an agent». Представьте себе здоровенного детину, который входит в третьестепенную контору мегамонстра Columbia и, уверенно улыбаясь, говорит эти фразы. Но мне было две недели от роду, ведь жесткий гордый бизнесмен и спортсмен остался в России, и потому было совершенно не важно, смеются надо мной или нет: у меня была цель, и я решил достигнуть ее во что бы то ни стало.

В мои слова никто даже не вслушивался… кроме одной дамы лет пятидесяти. Голодный, злой, типично американский взгляд женщины постбальзаковского возраста мгновенно сменился ни к чему не обязывающей улыбкой. Она подошла настоящей волчицей, которая уже знала наперед все поступки, свои и мои. На ломаном английском я объяснил цель своего визита. Моя волчица взвилась: она поможет, она устроит, она очень рада, она уверена в успехе… Какое расположение к моей персоне! Помню, как понимающе хмыкнула секретарша.

На следующий день мы встретились у проходной, и она повела меня по бесконечным корпусам, кабинетам и площадкам, киностудиям, павильонам и музеям этого мирка, города, со своей жизнью и смертью. Я был в восторге, именно такой экскурсии я ждал, именно с такого знакомства представлял начало своей новой жизни. Чудно, буду держать ее на расстоянии, буду флиртовать и улыбаться, а дальше – жизнь покажет. Но события разворачивались быстрее, чем я предполагал. Вечером мадам пригласила меня к

себе на ужин, благоразумно сообщив, что собирает вечеринку, на которой будут ее друзья. Как говорил один мой знакомый: люблю групповой секс – всегда можно улизнуть.

Ее друзьями оказалась подозрительного вида парочка, которая при первом же удобном случае распрощалась, сославшись на оставшихся дома собак, голодных и несчастных. Мадам угощала меня полуторалитровой бутылкой Absolute, по-американски не заботясь о вкусной и обильной пище.

– У нас, – говорю ей по-русски, – даже такая Баба-яга, как ты, сначала Ивана-царевича кормила и поила, а потом еще и в баньке парила.

Я пил водку, после каждой рюмки с надеждой поглядывая на мадам, но красивее она не становилась. В какой-то момент я с ужасом подумал: «Олег, в кого ты превращаешься, ты никогда в жизни ничего не делал ради карьеры, а теперь решил измениться? Это мерзко и ни к чему хорошему не приведет». Не окончив начатого, я, как Золушка, с боем часов собрался и уехал. Пожалуй, это была моя единственная жертва Голливуду, мерзкая жертва. Не потому, что я предвзято относился к той женщине, а потому что шел на близость с ней, желая быть ближе к кино.

Сейчас, сидя в самолете, я пытаюсь сложить пазл моего прошлого, по отдельным крупицам вспомнить первые недели жизни на новом континенте. Я разрываю и складываю, улыбаюсь, заново переживаю каждый шаг. Я ничего не хочу изменить и исправить и, как переписчик древней летописи, готов сказать: аще писах – писах, от написанного не отрекаюсь. Но я всегда забываю то, что мне неинтересно, а потому совершенно не помню, как выглядела та дама из кинокомпании.

Америка, о которой сто лет назад мечтали гимназисты, где скрывались отверженные и непокорные, из-за океана представлялась моему поколению страной свободной любви и диких прерий. Прерии еще остались, они прекрасны. О поразительной и разнообразной природе северо-американского континента я, конечно, расскажу. Что касается секса, то более закомплексованных людей, чем в Америке, я нигде более не встречал. В России очень остро стоит проблема разводов, там – убийств на семейной почве. Люди боятся судов и, как в кино, убивают своих полюбовников и благоверных по любому поводу. Либо жесткое порно, либо жесткий пуританизм. Однополая любовь в какой-то момент стала более комфортна. А те, кто все еще не бисексуален, жеманно намекают на

возможность такого опыта. Мне всегда хотелось сказать: господа, вы просто плохо знаете женщин! Это сокровище и награда сильному полу. Если вы разочаровались – не уставайте очаровываться. Все мои разочарования имели причину, все очарования были необъяснимы.

Каждый мужчина время от времени вспоминает женщин, с которыми он был, каждую он помнит, помнит телом. Спустя год после моего приезда я позвонил той даме из кинокомпании. Она сказала, что знает о моих успехах и рада за меня. Мужчинам тоже хочется чуть-чуть порисоваться, а тогда я жил в диком Техасе и не то что увидеть знакомого – позвонить было некому. Вот я и позвонил: ей и агенту, который когда-то посоветовал мне выучить английский.

Ванька-купец

В Америке у меня не было никаких документов, кроме русского паспорта и нескольких особенно полюбившихся «ксив». Дикие девяностые славились хождением самых разнообразных документов, от смешных до устрашающих. У меня был целый чемодан различных удостоверений, которыми я прикрывался в разных ситуациях.

Однажды мы с друзьями поехали из Нижнего Новгорода в Москву выбирать подарки нашим женам и девушкам. Остановились в гостинице «Россия», которую я ценил за красивый вид на Кремль из окон верхних этажей. В тот приезд мы особенно хорошо погуляли, и я вместо Варварки поехал по Ильинке, въехал на Красную площадь и вместо гостиницы «Россия» оказался у Спасских ворот.

– Что-то непохоже на гостиницу… О, а вот и милиция, надо спросить! Скажите, как проехать к гостинице «Россия»?

– Ты знаешь, где ты?! Ты на Красную площадь заехал!.. Под кирпич! А под кирпичом…

– Спокойно, – говорю я, – я законы знаю!

И показываю совершенно офигевшим ментам удостоверение помощника начальника прокуратуры Нижегородской области. Что творилось с несчастными ментами и почему они сразу не открыли огонь на поражение, сказать не могу. Как мне рассказывала гоп-команда, сидевшая в машине и дружно гоготавшая, своей наглостью и огромной скоростью, с которой мы появились и исчезли, мы просто не оставили им времени на реакцию.

В России я всегда ездил на простых машинах, ибо был уверен, что не стоит привлекать к себе лишнее внимание. Последние годы российской жизни я ездил только на «девятках», но менял их каждые два месяца. Первая машина появилась у меня сравнительно поздно, в двадцать три года, а еще через год Валера Зимаков купил мне права. Первая машина, прозванная «братской могилой», была списанная из автопарка «Волга». На ней всем офисом мы ездили, поджав ноги – днище было совершенно прогнившим. Все в этой машине держалось на проволоке и честном слове. Вокруг меня люди рассекали на джипах, но мне понты тех лет были не интересны, к тому же к технике я всегда относился более чем равнодушно. На «Волге» я проездил примерно год, и не проходило дня, чтобы от нее что-нибудь не отвалилось. В конце концов мне это надоело, и я взял водителя, поручив ему следить за машиной. Он пришел в ужас, когда на трассе у нас отвалился бензобак и я прикрутил его проволокой…

– У нас так тренируются спортсмены! Я заводил тонную машину в горку с толкача. Ноги качаются нереально! Я разгибал крылья и бампер, выгибал спиной помятую крышу – силовой экстрим, – когда я рассказывал такое в Америке, звучало это подчас неправдоподобно.

С «Волгой» связана и еще одна история. На зимней трассе кто-то впереди резко затормозил, и я, не справившись с управлением, перевернулся. Мимо проезжал ментовской уазик, из которого лишь высунулась физиономия и, увидев, что я жив-здоров, не сбавляя скорости, проехала дальше. Такое отношение при исполнении служебных обязанностей я забыть не мог. Два года нижегородская милиция отрабатывала свою халатность: когда меня останавливали дорожные службы, я показывал удостоверение помощника прокурора и запевал трагическую песнь о том, как я, истекая кровью, лежал на трассе, а мимо проезжали колонны милицейских машин. Стражи порядка конфузились за просчеты своих коллег и отпускали меня с миром. Эта история хорошо действовала, но была слишком запоминающейся, и, когда я рассказывал свою сказку по второму кругу, они бесились.

К счастью, достаточно нескольких рюмок, и меня тянет в сон. Но не таков был Сапуняша, который пил в промышленных дозах и становился только собраннее. О его деловитости после литра ходили легенды. Однажды ко мне в Новгород на квартиру, которую я специально купил для пьянок-гулянок, приехали саровские. Все выпили. Я пошел спать, а ребята – за куражом на местную дискотеку. Беспредельщик Бессмертный схлестнулся с местными и очень серьезно покрушил человек шесть. Моих ребят покрутили. Со стороны за происходящим наблюдал бесстрастный Сапуняша, выпивший к тому времени около двух бутылок «Абсолюта». Нормальный человек давно бы умер, но не таков был наш герой. Андрей резко подошел к ребятам из УБОПа, сунул удостоверение отдела по борьбе с международным терроризмом.

– Так, что вы себе позволяете!

– Что позволяем?

– Я тут ловлю большую рыбу, а вы всех распугали, занялись мелкой сошкой, против них и дела-то не возбудить. Шваль! – прорычал он и, уже уходя, зло добавил: – Так, этих всех отпустить и строиться на улице!

Ошарашенные менты сняли наручники, ребята слиняли и сели в машину ждать Андрея, который выстроил шеренгу.

– Имя, фамилия, звание и место службы, – цедил Андрей, всматриваясь в каждого, – завтра будет разборка у начальства.

После смотра он отошел и сел в тот же самый Grand Cherokee, где ждала его братва. Тут менты поняли, что их развели, догнали машину:

– Где тут этот, с ментовским удостоверением?

– Какие менты, мы тут все порядочные ребята, ментов с нами нет. Да подвезли какого-то, но он попросил остановиться и вышел. А кто такой, мы и не знаем.

В это время Андрей лежал вместо коврика на полу заднего сиденья. Его накрыли плащом и поставили на него ноги.

Впрочем, когда я приезжал в Саров, начиналась ответная гулянка. У меня была своя установленная схема праздника. Я открывал багажник с деньгами и раздавал пачки.

– Это тебе на вечер, это тебе, а это мне.

Потом все вместе мы шли играть в футбол на стадионе «Икар» и к восьми часам, вымывшись и наодеколонившись, совершали круг почета по «золотому кольцу» Сарова – по ночным ресторанам.

В то время один парниша из нашей команды открыл пивной ресторан «Яр» в старом доме физиков-ядерщиков на берегу реки. С него мы начинали. Там пили вкуснейшее мордовское пиво, любовались местными красотами и общались с саровскими девушками, до одури любвеобильными от местной радиации.

Но время не ждет, и следующим пунктом нашей культпрограммы было кафе «Айсберг», где я пил сухое вино. Впрочем, золотому правилу не пить сухое после водки следовали далеко не все, и проехать круг почета за ночь было не так просто. Здесь девушки были не хуже.

Пора в «Красную шапочку», где в мирные годы моего детства мы ели мороженое. Теперь заведение стало взрослым, а мы снова любимые гости! Тут уже я позволял себе выпить крепкого пойла, и к рассвету мы приезжали в кафе «Россия» – чикагское заведение города Сарова. Именно здесь случались неожиданные знакомства, постоянные драки и совершались самые громкие сделки. Когда рассветало, мы брали осетрину и ехали на озеро Протяжка. Девушки, которые оказывались с нами, относили наши спокойствие и сдержанность на счет нашего к ним уважения. Никому почему-то не приходило в голову, что даже такие ковбои могут притомиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/taktarov_oleg/byt-olegom-taktarovym-moya-istoriya-avtobiografiya-bez-cenzury

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити